

ИНТЕРВЬЮ

ЭО, 2007 г., № 2

© Г. А. Комарова

"УВАЖЕНИЕ К РЕСПОНДЕНТАМ – ВАЖНЕЙШАЯ ЗАПОВЕДЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ..." (ИНТЕРВЬЮ С Е.И. ФИЛИПОВОЙ И М. ЛАРЮЭЛЬ)

Идея интервьюирования женщин-антропологов из разных стран (США, Канада, Франция, Япония, Великобритания, Голландия, Германия) возникла у меня весной 2006 г. во время пребывания в Вашингтоне. Там, в Центре Вудро Вильсона, мне довелось в течение полугода общаться с представительницами научных сообществ, школ, направлений, взглядов, объединенных при этом общими профессиональными интересами и, самое главное, – искренней симпатией и любовью к народам России и бывшего СССР. Все эти исследовательницы давно и плодотворно работают в различных регионах постсоветского пространства и проводят в экспедиционном поле не только месяцы, но и годы. Более 20 зарубежных ученых – известных исследовательниц советской и постсоветской антропологии – с неподдельным воодушевлением приняли участие в проекте и ответили на мои вопросы. Вернувшись в Россию, я обратилась с аналогичной анкетой к тем российским коллегам (женщинам-антропологам/этнографам), чьи научные интересы и/или экспедиционные "поля" в той или иной степени совпадают со сферами научной деятельности зарубежных респонденток. Так появилось несколько бинарных интервью, составивших серию "Женский портрет в научном интерьере".

Почему именно "женский портрет" и почему только женские интервью? Прежде всего потому, что круг моих зарубежных коллег составили женщины активного исследовательского возраста, что определило, в свою очередь, и основные параметры российской выборки. И в этом нет особого умысла или специального гендерного подхода. Существует мнение, что женский душевный опыт по-своему своеобразен во всех проявлениях, в том числе и в профессиональном творчестве. Именно на базе последнего женщина-этнограф якобы способна найти истинную меру вещей, выявить, сохранить и передать особое знание и т. д. Конечно, было бы небезынтересно проверить эти представления, уже достаточно прочно укоренившиеся в сознании части академического сообщества. Однако при формировании выборки я, разумеется, ставила на первое место не пол и возраст коллег, а наличие способностей к исследовательской работе и профессиональные достижения, т.е. главным критерием выбора было то, чтобы (по словам Г.В. Старовойтовой) "пол человека не был его потолком".

Авторы предлагаемого вниманию читателя интервью – Елена Ивановна Филиппова, к.и.н., старший научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), исполнительный директор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, и Марлен Ларюэль (Marlène Laruelle), к.и.н., научный сотрудник Школы высших социальных исследований (Париж, Франция), член Международной ассоциации AAASS, ASN, член Французской академии, член редколлегии "Тетради Центральной Азии". М. Ларюэль – автор нескольких монографий, в том числе на русском языке: «"Арийский миф" в Рос-

---

Галина Александровна Комарова – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

лингвистика, и история России, и современная этнополитическая ситуация. На третьем курсе я особенно увлеклась национальной проблематикой и прежде всего историей решения национального вопроса в имперской России. В эти годы я очень хотела заняться "малыми" народами Сибири и много занималась и размышляла о научных подходах в их изучении. Однако дальнейшая ситуация сложилась так, что свою дипломную работу я писала по центральноевропейской проблематике (точнее, по истории Габсбургской империи). С этой целью я вернулась вновь на первый курс и "прошла" все четыре курса европейской истории и чешского языка. Я также много в эти годы занималась этнополитологией. Здесь я должна подчеркнуть, что во французском научном сообществе сложилась очень хорошая традиция, благодаря которой французские исследователи могут без проблем поменять научную специализацию, не утрачивая при этом свои позиции. Так происходило и со мной.

Затем меня послали на годичную стажировку в Прагу, где я разрабатывала тему габсбургской ностальгии в диссидентской литературе 1970–1980-х годов. Именно тогда, в Праге я вновь вернулась к России и ее истории. И это была судьба. В Праге я обнаружила архивы евразийцев, очень увлеклась их работами и поняла, что исследование национальной политики в России по-прежнему занимает меня. Особенно я увлеклась проблемой идеологического обоснования этой политики в имперской России. И спустя четыре года я вновь занялась Россией, но уже на другом уровне и с другим научным багажом. Позже, во время моей пятилетней исследовательской командировки в страны Центральной Азии (бывшие республики Средней Азии), особое внимание я уделяла современной этнополитической ситуации на постсоветском пространстве и прежде всего российской современности. Но при этом я никогда не забываю историю и рассматриваю ее как ключ к постижению современности.

Г.К.: И все же, какие жизненные/научные пути-дороги привели одну из вас во Францию, а другую – в Россию? Кто или что повлияло на выбор тематики ваших исследований? Как вы впервые попали в зарубежное экспедиционное поле?

Е.Ф.: Франция влекла меня к себе всегда. В чем причина этой иррациональной привязности? Детское увлечение романами Дюма? Или острое ощущение несправедливости при чтении русских классиков, когда приходилось заглядывать в постраничные сноски, чтобы понять вкрапленные там и сям французские слова и фразы, ностальгически сожалела о части российского культурного наследия, реквизированной большевиками? Или романтические мечты о стране Свободы, столь же прекрасной, сколь недоступной (помню, как в МГУ ходила по рукам книга Р. Мерля "За стеклом", повествующая о событиях студенческой весны 1968 г. с ее знаменитым лозунгом "запрещено запрещать")?

Как бы то ни было, интерес мой долгое время оставался абстрактным. Пожалуй, единственным реальным шагом на пути к его удовлетворению стал выбор французского как иностранного в университете (в школе такой возможности не было). В общем, долгое время мы с Францией жили как бы в параллельных мирах. До тех пор, пока я в качестве специалиста по миграции не попала в международный проект "Идентичность и язык в российской переписи населения 2002 года". Партнерами нашего института в этом проекте были две команды ученых: французская и американская. Когда на время переписной недели все участники проекта разъехались по России, чтобы наблюдать процесс на местах, я оказалась в паре с французским демографом Аленом Блюмом. Уже во время работы в поле, на Алтае, мы много обсуждали проблемы конструирования социальной реальности, формирования у людей чувства принадлежности к тем или иным коллективам или общинам, сопоставляя подходы к изучению этих вопросов, существующие во французской и российской национальных школах. Затем работа над совместной статьей в рамках того же проекта стала поводом для моей двухнедельной поездки во Францию летом 2003 г. Оказавшись в стране, о которой я долго мечтала, но, как выяснилось, почти ничего не знала, я жадно смотрела по сто-

ронам, вслушивалась в звуки еще плохо различимой речи, и мне все больше хотелось понять, что это за общество, чем живут и о чем думают окружающие меня люди, что создает эту особую парижскую атмосферу, называемую французским словом "ambiance", не имеющим полного соответствия в русском языке. Но до полевой работы было еще далеко.

Я вернулась в Москву с полным чемоданом французских книг – как по специальности, так и художественных, – и засела за чтение. По мере знакомства с трудами французских коллег вопросов становилось не меньше, а больше. Захотелось пообщаться напрямую, что-то уточнить, иногда поспорить. Так возникла идея об организации серии интервью с учеными, которую я и начала воплощать во время своей следующей, уже более длительной поездки зимой 2004 г. В реализации этого замысла мне также очень помог Аллен Блюм, представив меня тем авторам, работы которых меня особенно интересовали. К настоящему моменту мне удалось записать шесть таких интервью, четыре из них были опубликованы.

Осенью 2003 г. в журнале "Этнопанорама", выходящем в Оренбурге, была создана моя авторская рубрика "Без словаря", цель которой я вижу в том, чтобы расширить знакомство российского читателя с работами французских ученых, переводя их на русский язык. Вся эта подготовительная работа – чтение, переводы, интервью – позволила мне сформулировать собственную тему: "Концепция идентичности в современном французском научном и общественном дискурсе". Определился и круг источников: научные труды, публикации в СМИ, художественная литература, интервью со специалистами, общественными деятелями и обычными людьми. Для каждого вида интервью я разработала особую программу, обсудила их с коллегами.

И вот, наконец, первый опыт собственно полевой работы: август 2004 г., г. Каор. Здесь неоценимую помощь мне оказал еще один коллега – Борис Петрик. В доме его матери я нашла самый радужный прием, а его отец стал посредником в организации контактов с респондентами. Конечно, приступая к работе, я не была уверена в том, что из этой затеи выйдет толк. Больше всего боялась, что мы с собеседниками не будем понимать друг друга. Однако этой трудностью не возникло. Вернувшись в Париж, я рассказала о своих интервью Франс Герен-Пас, одной из руководителей исследования "История жизни", проводимого Национальным демографическим институтом. И получила приглашение к участию в этом проекте. Моя часть в нем посвящена изучению коллективных идентичностей, механизмов их формирования и форм осмысления. Кроме того, поскольку я единственный антрополог в команде демографов, более привычных к методу анкетирования, мне была доверена задача сбора углубленных полуструктурированных интервью. Весной 2005 г. я вновь отправилась в поле, уже в рамках сотрудничества с французскими коллегами. На сей раз удалось поработать в Эльзасе, Бретани и в окрестностях Марсея, а летом 2006 г. – на Корсике.

М.Л.: Когда мне было 15 лет, я начала изучать в школе русский язык. Я его выбрала специально, так как это был славянский язык. Моя преподавательница русского языка – коммунистка – рассказывала нам о том, какая это замечательная страна (как она себе представляла) – Советский Союз. Я в те времена очень увлекалась политикой и тотчас же влюбилась в СССР. Это был 1987 г., и на Западе наблюдалась настоящая "горбимания". Потом, уже обучаясь в университете, я разделила для себя увлечение политикой и любовь к России, ее истории, культуре и людям. Когда я впервые побывала в России (это был 1990 г.), то поняла, что можно интересоваться, изучать и любить Россию, не будучи коммунисткой. Общение с простыми людьми, углубленное изучение проблем периода перестройки и распада Союза по-новому высветили многие вопросы, над которыми я много размышляла.

Г.К.: Кого вы считаете своими учителями/наставниками в вашей профессии?

Е.Ф.: Это сложный вопрос. Наверное, кого-то одного назвать невозможно. К тому же я не вполне классический "антрополог". Мне всегда хотелось изучать современное

общество, а не архаику и экзотику. Поэтому среди тех ученых, чьи труды оказали на меня большое влияние, есть и социологи, и философы, и психологи, и историки, а не только собственно антропологи. Из французских авторов это прежде всего П. Бурдьё, П.-А. Тагиефф, Ж.-Л. Амсель, Э. Ле Брас, М. Гоше, Ж. Нуарьель, А. Турен, М. Оже. Кроме того, очень многое для понимания французского общества и французского взгляда на мир мне дает художественная литература. Особенно хотелось бы назвать книгу-эссе Жоржа Перека "Разновидности пространств", которую, кстати, часто и по разным поводам цитируют французские антропологи и социологи. Его особый метод письма антропологичен по сути: это подробное кропотливое описание, каталогизация мельчайших деталей, поиск смыслов, казалось бы, в незначительных мелочах и обыденных проявлениях повседневности. К этой книге я возвращаюсь вновь и вновь, и, как ни парадоксально, она стала для меня в каком-то смысле учебником антропологии. Что же касается "ремесла" антрополога, то ему, наверное, можно научиться только самостоятельно, в поле, методом проб и ошибок. Каждый из нас – прежде всего человек со своими особенностями, характером, темпераментом и пр., и эти личностные особенности исследователя, я думаю, в значительной мере предопределяют его поведение в поле, его способы установления контактов с населением и, в конечном итоге, получаемые результаты. Поэтому вряд ли возможно подражать кому-то, копировать его приемы полевой работы. Хотя, конечно, можно и нужно учитывать опыт своих предшественников и коллег – современников.

М.Л.: Моими учителями были в основном авторы трудов по антропологии. И, пожалуй, первым среди них я назвала бы Поля-Эмиля Виктора (Paul-Emil Victor). Я познакомилась с его творчеством в те времена, когда собиралась заниматься Арктикой и Сибирью. Я очень многое почерпнула из книг этого автора. К тому же, помимо строго научных "академических" трудов я всегда увлекалась книгами о путешествиях из очень популярной во Франции серии трудов профессиональных антропологов "Земля людей" ("Terre humaine"). Они многое дали мне как историку. И вообще, я всегда стремилась много читать и постоянно занималась самообразованием.

Г.К.: Выдающаяся представительница американской антропологии Фредерика де Лагуна, бывшая в 1966–1967 гг. президентом ААА, считала, что "антропология отличается от других научных дисциплин. Это – образ жизни". Подтверждается ли это наблюдение в вашем случае или на примере ваших коллег?

Е.Ф.: Пожалуй, да. Наша полевая работа не ограничивается только ситуацией интервью. По сути, антрополог ни на минуту не прекращает наблюдение и накопление информации: неважно, идет ли он по улице или едет в общественном транспорте, сидит за столиком в кафе или делает покупки в магазине, читает газету или слушает радио. Все падает в одну копилку. Подсмотренная уличная сценка, услышанный случайно обрывок разговора, какое-то коллективное действие, свидетелем которого довелось стать, граффити на стенах, рекламные плакаты, мемориальные доски, листовки и объявления – все это идет в дело. Особенно когда работаешь в незнакомой стране.

М.Л.: Я думаю, что любая наука (например, история) для истинного серьезного исследователя, посвятившего ей всю свою жизнь, это – особый образ жизни. Работать как историк в архивах и вести раскопки в качестве археолога и представлять себе, как люди в ту или иную эпоху жили, какими были их образ мысли, менталитет, идеология и т.п., – это захватывает не менее, чем антрополога стремление понять и постичь другие культуры. Разница лишь в том, что антрополог "преодолеывает" пространство, а историк – "время". Но в любом случае настоящий ученый посвящает любимому делу всего себя, всю свою жизнь.

Г.К.: В 1920–1930-е годы советские этнографы после окончания университета уезжали в изучаемую группу на "этнографический стационар" и годами занимались там не столько исследованием культуры, сколько практической работой, оказывая разнообразную помощь местному населению. В результате многие уходили из профессио-

нального поля, переставали быть этнографами. Известны ли Вам аналогичные примеры в истории отечественной и зарубежной антропологии?

Е.Ф.: В отечественной науке я лично была знакома только с одной супружеской парой, уехавшей на рубеже 1980–1990-х годов куда-то к северным народам (это был период, когда заговорили о необходимости длительной, от полугода до двух лет, работы в поле) и больше в институт не вернувшейся. О них ходили какие-то слухи, но достоверной информацией я не располагаю. Что касается французских коллег, то мне известен обратный случай: человек начал свою карьеру учителем французского языка в Алжире, после прохождения там военной службы по призыву. И столкновение с культурно отличительным населением побудило его к занятиям антропологией: он получил профильное образование, как сказали бы у нас, "без отрыва от производства", и затем более 30 лет научной карьеры посвятил исследованиям Африки, регулярно проводя в поле по три-шесть месяцев вкряду. Вообще длительная и возобновляющаяся на протяжении ряда лет работа антрополога в одном и том же "поле" для французских антропологов – дело обычное. Есть и такие, которые уезжают и не возвращаются.

М.Л.: Да, в истории французской науки подобное случалось и, причем, нередко. Антропологи, много работавшие в Африке или Азии, иной раз оставались жить среди изучаемого народа, но при этом уходили из профессионального поля.

Г.К.: Традиция длительного этнографического стационара, которой всегда славилась наша отечественная этнографическая наука, в последние десятилетия оказалась прерванной по целому ряду причин. Ныне ведется дискуссия о необходимости ее восстановления. Одни считают, что длительная (от шести месяцев до двух лет) полевая работа (в том числе и "в качестве сельского учителя в среде изучаемого народа") не только полезна, но и необходима. Другие утверждают, что в современных условиях непрерывное (более двух-трех месяцев) пребывание в поле "непродуктивно по чисто профессиональным причинам".

Является ли длительный этнографический стационар обязательным элементом профессионализации и творческой деятельности современного антрополога? Каково ваше мнение на этот счет?

Е.Ф.: Наверное, тут не может быть одного ответа на все случаи жизни. Многое зависит и от темы, над которой работает антрополог, и от того, насколько "удалено", в прямом и переносном смысле, его поле, и от метода – для включенного наблюдения длительный стационар необходим, а для классического интервью – не обязательно, и, конечно, от личности самого ученого. Важно ведь не перестать быть антропологом, не потерять способность удивляться, замечать мелочи. Становясь постепенно все более "своим", сохранять некоторую внутреннюю отстраненность, объективность и непредвзятость взгляда. На этой грани балансировать нелегко. В "непродуктивности" длительного пребывания в поле "по профессиональным причинам" я сомневаюсь. Сегодня развитие средств связи идет такими темпами, что уже сейчас с помощью Интернета можно продолжать поддерживать контакты с коллегами на расстоянии и быть в курсе событий академической жизни (при желании – посылать доклады на конференции и статьи для публикации в любые журналы). А объем памяти современных портативных компьютеров позволяет носить с собой целую библиотеку.

М.Л.: Во Франции существует давняя традиция организации "колониальных" научных институтов за рубежом. В настоящее время по всему миру создано 30 институтов. МИД Франции регулярно направляет в них для дальнейшей научной специализации аспирантов, оплачивая их долгосрочное пребывание в "поле". И этой практике придается самое серьезное внимание на самом высоком правительственном уровне. Я считаю, что для антрополога очень важно долгое проживание среди изучаемого народа. Он должен стационарно проводить в поле не менее одного-двух лет. Французские антропологи, чтобы подготовить и защитить диссертацию, должны очень долго жить и

работать в этнографическом поле. А вот после защиты антрополог может жить и работать во Франции, не выезжая в экспедиции в течение многих лет.

Г.К.: Изучали ли вы в студенческие годы методику полевых исследований? Преподается ли ныне в вашей стране будущим антропологам подобный курс?

Е.Ф.: Да, я изучала подобный курс. Основное внимание в нем уделялось "технической" стороне дела: как вести полевые записи, как описывать собираемые экспонаты, как фотографировать и пр., а не вопросам взаимоотношений исследователя с изучаемой группой или исследовательской этики. Преподается ли этот курс сегодня, я не знаю.

М.Л.: Нет, я такой курс не проходила.

Г.К.: Российский/советский этнограф, подолгу работавший в одном и том же этнографическом поле, обычно становился другом изучаемой общины: учил, лечил, решал социальные проблемы, оказывал гостеприимство и самую разнообразную помощь своим респондентам. Но это, как правило, не рефлексировалось самим ученым как исследовательская работа.

Продолжаете ли вы общение с вашими информаторами во "внерабочее время", вернувшись из поля? Известно ли вам о существовании подобной практики среди современных российских и французских антропологов? И можно ли ее рассматривать как продолжение этнографического поля?

Е.Ф.: У меня был интересный опыт работы в российском поле совместно с французскими антропологами. В одно и то же село в Агинском Бурятском автономном округе, что находится в 250 км от Читы, наша экспедиция приезжала 5 лет подряд. И начиная со второго сезона французские коллеги непременно обходили с "визитами" (и с подарками) несколько домов, где жили респонденты, с которыми установились наиболее тесные связи, привозили и раздавали отснятые в прошлый сезон фотографии. Свадьбы, рождения детей в этих семьях обязательно становились поводом для поздравлений (открытки, пришедшие "аж из самого Парижа", местные жители с удовольствием показывали друг другу). Вряд ли эти контакты можно считать продолжением полевой работы – скорее это просто нормальные отношения между людьми, отчасти стирающие грань между "изучающими" и "изучаемыми". В результате для жителей села мои коллеги стали "нашими французами", их приезда ожидали; стоило разнести слуху о прибытии экспедиции, как многие сами приходили засвидетельствовать свое почтение, расспрашивали о здоровье, о детях и внуках, и т.п.

М.Л.: Вся французская антропологическая литература насыщена рассказами авторов о том, кем они стали для изучаемой группы. И большая часть подобных работ – рефлексия исследователя на эту тему. У меня после многолетней работы в России и в бывшем СССР появилось очень много друзей. Причем это не только коллеги, но и представители самых разных социальных групп. И мое общение с ними продолжается постоянно и не только в "рабочее" время. Мы с мужем приглашаем во Францию тех друзей и коллег, кому удастся получить визовую поддержку. Затем курируем их во всем, стараемся познакомить с нашей страной. При любой возможности, помогаем им в получении на Западе научных стипендий. И это – норма, ведь когда мы бываем в их "поле", они служат нам медиаторами, а на Западе мы сами выполняем эту роль.

Г.К.: За всю историю науки лишь немногим антропологам удалось достичь полного погружения в изучаемую группу. Даже легендарный Н.Н. Миклухо-Маклай, имя которого носит наш институт, так и остался для папуасов Новой Гвинеи "Человеком с Луны" и "чужаком". Как вы думаете, что необходимо для того, чтобы стать "своим" для изучаемой группы?

Е.Ф.: Не знаю, возможно ли это в принципе: если антрополог остается антропологом, т.е. продолжает свою профессиональную деятельность, он все равно будет вне изучаемой группы, просто в силу собственного социального статуса. По-настоящему "своим" можно стать только в сообществе коллег, в лучшем случае.

М.Л.: На этот вопрос сложно ответить однозначно. Мне кажется, исследователь, находясь среди информантов, является по отношению к ним одновременно и "своим", и "чужим". Например, я достаточно быстро осваиваюсь, находясь в центральноазиатском "поле", и скоро начинаю чувствовать себя "как дома" на бытовом уровне (организация быта, посещение базара, общая атмосфера общения и т.п.). Но я постоянно чувствую себя "не на месте", когда сталкиваюсь с чуждыми мне устоями, которые мне сложно переступить на нравственном уровне. Я, например, никак не могу принять как норму некоторые семейно-брачные традиции изучаемой группы. Я очень неуютно чувствую себя, когда в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении местные женщины не имеют права сидеть за общим с нами столом. Мне очень тяжело выслушивать рассказы моих информаторов о том, как родители выбирают супругов своим детям помимо желания последних; при этом несчастливые в браке не смеют разводиться, потому что "нельзя", и т.п. В таких ситуациях я ощущаю себя "чужой".

Г.К.: Опозиция "свой–чужой" обычно определяет на начальном этапе стержень взаимоотношений группы и ее исследователя – представителя иной культуры. Для очень многих людей одна из вас стала во Франции, вероятно, первой россиянкой, с которой они повстречались в своей жизни, а другая была первой француженкой для своих российских респондентов. Вы приезжали в общину "чужой", но спустя какое-то время стали "своей".

Как происходило изменение образа "чужого" на разных стадиях общения? Удалось ли вам наблюдать какой-либо процесс формирования самоидентификации членов группы через общение с вами? Ведь "чужой" в процессе самоидентификации не всегда обязательно бывает негативным или враждебным. При условии, если этот "чужой" переосмыслен как мифический, он может воплощать "идеальное я". Или же, как еще один полюс идентичности, он может быть нейтральным: "иной", "другой" и т.д.

Е.Ф.: По-настоящему "чужой" я была, пожалуй, только во время первого полевого выезда, когда для жителей Каора – соседей, знакомых и друзей семьи Петрик – я была "русской коллегой Бориса". Обо мне даже заметку поместили в местной газете, с портретом: "Русская в поисках французской идентичности". То есть мои респонденты с самого начала знали, кто я и откуда. В начале беседы я говорила, что это мой индивидуальный исследовательский проект, что я – сотрудник Российской академии наук, что собираюсь написать книгу о Франции и французах. Каор – маленький город, и к исходу третьего дня пребывания я стала встречать на улицах знакомых – бывших респондентов, которые радушно меня приветствовали, интересовались ходом опроса, советовали, с кем еще мне интересно было бы поговорить, даже приглашали в гости. Никакой враждебности или недоверия я ни разу не испытала – возможно, потому, что у меня были "хорошие рекомендации": Пьер Петрик, отец Бориса, лет 30 преподавал в местной школе, почти весь город у него учился.

Во время второго полевого сезона я представлялась как работающая по заданию Национального демографического института, и поэтому меня сразу воспринимали как "свою". Обычно лишь в конце интервью собеседник решался спросить: "А что это у вас за акцент?" В ответ на признание, что я – русская, следовал вопрос: "И давно вы живете во Франции?" И только услышав, что я и сейчас живу в России, люди понимали, что перед ними иностранка. В большинстве случаев это становилось началом второй части интервью, только теперь вопросы задавали мне. Многие с удовольствием демонстрировали свои интерес и симпатию к русской культуре, называли имена наших писателей, композиторов. Несколько человек сказали, что с удовольствием съездили бы в Россию. Были, конечно, вопросы о Чечне и о Ходорковском, о процессе над которым тогда много писали во французских газетах. Но даже в этом контексте не было агрессивности, враждебности – скорее было желание получить информацию от человека "оттуда". Наконец, если можно говорить, что я стала в какой-то мере "своей", то лишь для коллег, со многими из которых меня связывают теперь дружеские

отношения. Применительно к этой среде можно, хоть и с некоторой натяжкой, говорить о включенном наблюдении: я как исследователь изучаю "изнутри" жизнь научного сообщества во Франции.

М.Л.: Мне думается, что мои информанты иной раз считают меня одновременно и своей, и чужой. Я остаюсь для них "чужой" потому, что я – не член их сообщества, не живу с ними рядом постоянно. Но я становлюсь для них своей, так как мы подружись, они мне доверяют, могут рассказать о своих проблемах и т.д. И в этом нет никакого противоречия, поскольку существуют разные уровни идентичности.

Г.К.: Как жизнь и работа во Франции/России повлияли на вас как на личность и как на антрополога?

Е.Ф.: В профессиональном плане этот опыт дал мне чрезвычайно много, прежде всего потому что представилась возможность познакомиться с литературой, которой нет не только в русских переводах, но даже в российских библиотеках. И, что еще интереснее, поучаствовать в жизни местного научного сообщества – это и участие в семинарах и конференциях, и написание статей в соавторстве, и, конечно, совместная работа в поле. Как очень хорошо подметил Ален Турен, наиболее благоприятной обстановкой для творчества является ситуация, когда коммуникация затруднена, когда наблюдаемые явления не находят удовлетворительных объяснений, когда собеседники с трудом понимают друг друга, но в то же время очень хотят понять, наконец, когда весомость достижений значит меньше, чем стремление к дискуссии, к открытости и обновлению.

Как личность я прежде всего почувствовала себя более свободной, передо мною как бы открылись новые горизонты, и в то же время я стала больше сомневаться в своей правоте, гораздо медленнее и труднее писать – это связано и с постоянным переходом из одной языковой среды в другую, и с ощущением особой ответственности. Если исследователь, изучающий "свое" общество, может ограничиться рамками выбранной им темы, поскольку его изначальная включенность в широкий культурный контекст создает необходимый "фон" для ее изучения, то при работе в другой стране неминуемо приходится как-то компенсировать отсутствие "генетической памяти" и личного опыта, всего того, что мы узнаем из колыбельных песен и детских книжек, из школьных учебников и семейных преданий. Приходится учиться распознавать скрытые цитаты, понимать намеки, усваивать поведенческие коды.

Кроме того, возникают этические проблемы: позволено ли "постороннему" судить о происходящем в твоей стране и тем более – давать какие-то оценки? Не является ли это прерогативой тех, кто живет в этом обществе и строит его в соответствии с собственными представлениями? В то же время Франция давно перестала быть для меня "заграницей", это просто часть моей жизни, причем наиболее творческая и интересная. Я чувствую себя очень комфортно во французском обществе с его культом личной свободы и независимости, в обществе, где высоко ценят уважение к другому, вежливость и чувство юмора.

М.Л.: После многолетней работы в странах бывшего СССР я начала лучше понимать свою страну. Живя постоянно во Франции, я многое воспринимала как данность и даже не замечала многих проявлений французской культуры. Теперь я воспринимаю их как антрополог и зачастую отношусь критически. Ловлю себя на том, что порой чувствую себя на родине "иностранкой": я уже "не своя" во Франции, но еще "не своя" в России. И все же, когда я в России или в Центральной Азии, я чувствую себя как дома. Это уже моя вторая родина. И если даже мне не нравятся какие-либо проявления местной культуры или бытовой жизни, я так к ним привыкла, что чувствую себя как дома. Да, моя первая родина – Франция, я там родилась и выросла, но я ее не выбирала. И уже лет десять в основном живу за рубежом, прежде всего в бывшем СССР. И Россия для меня – это "родина", хотя и символическая, но я сама себе ее выбрала.

Г.К.: Российские этнографы старшего поколения до сих пор вспоминают, какой переполох в начале 1970-х годов произвела поездка английского антрополога Кэролайн Хэмфри в бурятский колхоз. При этом никто не сомневался, что за ней тогда был установлен негласный надзор. А как вас принимали зарубежные власти: оказывали сопротивление или помогали в работе? Каково было отношение местных чиновников к вам и вашей деятельности?

Е.Ф.: У меня не очень богатый опыт общения с французскими чиновниками – мой статус приглашенного иностранного исследователя дает мне достаточно независимость, я не обязана испрашивать разрешения на свою деятельность, и у меня до сих пор не возникало необходимости в их помощи. Во всяком случае, никто и никогда не чинил мне препятствий и не требовал никаких объяснений. Напротив, моим французским коллегам в России пришлось испытать на себе то недоверие, о котором Вы упоминаете, – и это не в 1970-е годы, а сегодня. К сожалению, наша ситуация меняется медленно.

М.Л.: Позвольте, я расскажу об опыте моей работы в странах Центральной Азии, т.е. в бывших среднеазиатских республиках СССР. И прежде всего выскажу следующее наблюдение. Как мне кажется, работать там российским ученым, с одной стороны, легче, чем нам, так как в их багаже знание русского языка и советских обычаев. Но с другой стороны, их встречают как представителей колониальной империи и принимают хуже, чем "настоящих" иностранцев, т.е. западных и других ученых. Пусть даже они плохо знают язык и местные обычаи. Что же касается непосредственно Вашего вопроса, то на этот счет я имею богатый и интересный опыт, полученный именно в бывших среднеазиатских республиках СССР. Среди тамошних чиновников было немало таких, с кем возникали проблемы (трения, непонимание, противостояние), и они не помогали мне в работе. Но потом, при более близком знакомстве, часто обнаруживалось, что они – уже не как чиновники, а просто как люди – оказывались очень симпатичными. И вообще я отметила, что с чиновниками я должна разговаривать не как "западный профессор", а "по-человечески". Когда француженка на русском языке доверительно рассказывает о себе, о задачах исследования, о своих проблемах, то даже тот, кто вначале отказывался помочь, как правило, меняет свое отношение.

Г.К.: Каждый опытный полевик знает, что этнографический стационар не имеет ничего общего с этнографическим туризмом. Полевая работа, особенно одиночные выезды, во многих регионах мира, в том числе и в России, таит в себе не только много интересного, но, помимо бытовых неудобств, и много опасного. Например, если изучаемая группа ведет полукочевой образ жизни в тайге, в тундре, в пустыне; проживает в районе межнациональных конфликтов или в зоне повышенной радиации. Какие проблемы и трудности встретили вы в своей полевой работе за рубежом? Как вы их преодолевали?

Е.Ф.: Франция, вообще-то, – весьма щадящее "поле". И климат вовсе не суровый, и люди доброжелательные, всегда готовые помочь, и не приходится есть червяков, гусениц и прочие мало аппетитные продукты. Пожалуй, единственная реальная трудность, с которой довелось столкнуться, – большие расстояния, которые часто приходилось преодолевать пешком.

М.Л.: Основные трудности в работе, как я уже говорила, носили бюрократический характер. Но много проработав в той же Центральной Азии, я пришла к выводу, что, сталкиваясь с представителями администрации, почти всегда можно решить любую проблему двумя путями: или договорившись с чиновниками в процессе общения, или же найдя способ, как обойти их. Помимо того (и это не секрет для многих французских антропологов) существует и еще такой общеизвестный способ разрешения практически любой проблемы, как деньги. Случается, более опытные исследователи передают французским антропологам и такой своеобразный опыт, полученный в поле, как, например, кому, сколько и в какой форме нужно заплатить или вручить подарок.

Таким образом, решить проблемы, связанные с бюрократическим аппаратом, можно несколькими способами: 1) совместно обсудить проблему и попробовать договориться о ее решении; 2) возмущаться и доказывать, что "я – иностранка, что у меня французская дипломатическая карточка, что я буду жаловаться французскому послу" и т. д.; 3) заплатить за услугу; 4) уйти и вернуться на другой день, когда появится другой "добрый" чиновник; 5) обратиться за помощью к своим местным друзьям; 6) начать работу без разрешения администрации.

Г.К.: А какие интересные случаи, занимательные истории из вашей экспедиционной жизни вы могли бы вспомнить?

Е.Ф.: Самое интересное и яркое впечатление – это ощущение исчезновения границ, когда, общаясь с респондентами, очень скоро забываешь о том, что ты в другой стране, – так много общего в восприятии окружающего мира, так легко найти общий язык, даже если "родные" языки – разные. Работа антрополога, на мой взгляд, – лучшее лекарство от культурного релятивизма.

М.Л.: Их было достаточно много, но специально сейчас ничего не припоминается.

Г.К.: Как вы считаете, насколько реально в современных условиях, чтобы российский антрополог мог осуществлять проекты, подобные вашим, работая в зарубежном этнографическом поле? Что для этого – помимо желания работать, хорошего знания языка и достаточного финансового обеспечения – ему необходимо?

Е.Ф.: Наверное, все же необходимы какие-то связи в профессиональной среде. Если бы не помощь моих коллег, я вряд ли смогла бы начать работу самостоятельно. Самое сложное – получить "доступ" к респондентам. И именно в этом наличие посредников может сыграть решающую роль.

М.Л.: Нужно понять, что изучать Францию, США, Запад и вообще "модернизированные", "индустриальные" общества можно теми же способами, как мы изучаем Новую Гвинею. Нет разницы между человеческими обществами. Многие французские антропологи изучают французское общество, используя методики и вопросники, разработанные, например, для исследований в странах Африки.

Г.К.: Среди недостатков российской этнографии начала 1990-х годов назывались, в частности, такие, как "явная феминизация и позднее становление исследователя". Согласны ли вы с тем, что "половозрастная структура профессии влияет не только на эффективность научного труда, но и на выбор тем, постановку вопросов, исследовательский стиль и манеру оформления результатов"? Имеют ли какую-либо корреляцию, с одной стороны, пол и возраст исследователя, а с другой – конформизм и бесстрастность; сентиментальная доверчивость и строгий скептицизм; глобальное теоретизирование и тщательная дескриптивность и еще многие антитезы в исследовательском процессе?

Е.Ф.: Позднее становление исследователя, действительно, у нас имеет место. С чем это связано? Думаю, и с особенностями нашего вузовского образования, дающего очень мало простора для самостоятельной деятельности. И с финансовым положением науки. В то же время я бы не решилась утверждать, что способность к научному труду зависит от возраста, а тем более – от пола исследователя.

М.Л.: Современная французская антропология – также очень феминизирована. Но я считаю, что, во-первых, это не является недостатком науки и, во-вторых, никак не влияет на качество научного труда. Я не верю в "гендерные" работы. Пол может помочь при изучении специфических "женских" тем, например, женских сообществ, куда мужчинам зачастую невозможно проникнуть. Однако если бы это им удалось, то мужчина-антрополог и женщина-антрополог проделали бы одинаковый анализ. Я думаю, результат работы зависит от профессионализма исследователя, а не от его половой принадлежности.

Г.К.: Селективная природа человеческого знания беспокоит представителей разных наук. В антропологических (и шире – гуманитарных) исследованиях проблема

осложняется еще и тем, что сам ученый, познающий культуру иных сообществ и эпох, сам историчен. И от этого, как утверждает Адам Купер, антрополога не спасает даже метод включенного наблюдения. Есть ли у вас свои рецепты преодоления селективного субъективизма в научном исследовании?

Е.Ф.: Субъективизм, конечно, неизбежен и вполне естественен. Важно отдавать себе в этом отчет и не претендовать на знание "объективных истин". Из множества субъективных наблюдений формируется разносторонняя картина мира, в которой различные субъективизмы уравнивают друг друга. Таким образом, чем больше разных ученых обращаются к изучению одного и того же феномена, тем больше вероятности приблизиться к его пониманию.

М.Л.: Важно никогда не забывать, что ученый живет в своем времени и его отношение к исследованию субъективно. Я, как исследователь, связана со своей личностью и включаю в свой анализ то, что чувствую, и то, от чего мои чувства могут зависеть. Например, мои чувства могут зависеть от того, к какому поколению я принадлежу, что люблю или не люблю, что хочу изучать или не хочу, потому что мне это не интересно, и т.д. Я не считаю, что можно преодолеть субъективизм: это невозможно и не нужно. Мне кажется, самое важное – это быть искренним самим с собой: если реальная объективность не существует, то лучше осознать, в чем состоит субъективизм исследователя. Объективность не может появиться, если исследователь отрицает свой субъективизм. Наука – это отношения между личностью исследователя и объектами его исследования, т.е. другими людьми. Исследователь должен уметь осознать свой субъективизм и его объяснить в своей работе, т.е. быть способным рассматривать и анализировать себя как объект, изучающий другой объект.

Г.К.: Американская исследовательница Маргарет Паксон пишет в своей книге "Соловьево: исследование социальной памяти в русской деревне" (Вашингтон, 2005): "Сила антропологического метода – в терпении!" Согласны ли вы с этим очень интересным и неординарным наблюдением?

М.Л.: Любой профессиональный ученый должен обладать этим качеством. Например, сила историка, который годами выискивает какие-то сведения в архивах, тоже в терпении. Терпение и умеренность – это необходимые условия успеха для представителей всех гуманитарных наук. Умеренность в антропологическом исследовании – это уважение к людям, которых мы изучаем. Они – не только "объекты" нашего изучения, но прежде всего реальные люди, которые жили и будут продолжать жить и без нас. Нельзя им мешать, навязывать себя. Они нам очень много дают. Задумайся над тем, что ты можешь им дать из своей жизни, чтобы происходил взаимобмен. Уважение к своим респондентам (объектам нашего исследования) – важнейшая заповедь исследователя.

Г.К.: В заключение нашей беседы я прошу вас посоветовать молодым антропологам (и российским, и зарубежным), как им подготовиться к успешной полевой и научной работе (российским – за рубежом, зарубежным – в России).

Е.Ф.: Прежде всего, как мне кажется, нужно отказаться от готовых идей и представлений, от заданных категорий и классификаций, больше доверять своим глазам и непосредственным впечатлениям. Не стесняться задавать вопросы, в том числе наивные. Слушать (и слышать!) своих коллег-"автохтонов", сверяя свой взгляд со стороны с их взглядом изнутри. Научное познание не имеет границ, границы существуют внутри нас. И только от нас самих зависит, сможем ли мы их преодолеть. Справедливо подмечено, что антропологами не становятся случайно: эту профессию выбирают люди, склонные к самопознанию и самоанализу. Постигание "Другого", сопереживание ему – необходимое условие познания себя. Это долгий и трудный путь, сопряженный с приобретениями и потерями, дорога без конца, где риск подстерегает на каждом шагу. В этом и есть наше профессиональное счастье.

М.Л.: Во-первых, нужно быть готовым к зарубежной (порой экзотической) жизни. Во-вторых, важно быть готовым к тому, чтобы иногда не чувствовать себя на своей родине "как дома". В-третьих, необходимо быть готовым релятивизировать свои "родные" культурные привычки и жить "по-другому". А главное – любить и уметь общаться, учиться находить общий язык с самыми разными людьми.

Г.А. Комарова. "Respecting One's Respondents Is the Most Important Principle of a Researcher..." (An Interview with E.I. Filippova and M. Laruelle)

The interview presented in the section is part of the author's larger project, "Female Portrait in the Scholarly Interior", which, the author suggests, may be seen in a certain sense as a continuation of intellectual discussions held in the journal under the rubric "Thinking over the Discipline's Destinies" during the early 1990s. The author's interlocutors in the interview are Elena Filippova (Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow) and Marlene Laruelle (L'École des hautes études en sciences sociales, Paris), both of them scholars with a substantial experience of field ethnographic and anthropological work. While their thematic scholarly interests in many intriguing ways overlap, their "fields" of work are, in a no less intriguing way, "cross-positioned". The French scholar works in Russia, the Russian scholar in France. Their reflections on the trajectories of their respective professional communities provide much food for thought.